

Рюмшина Любовь Ивановна

доктор психологических наук, профессор,
профессор Академии психологии и педагогики
Южного федерального университета

Бердянская Юлия Владимировна

аспирант Академии психологии и педагогики
Южного федерального университета

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
ЛИЦ С ФИЗИЧЕСКИМИ
И ПСИХИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ [1]**

Аннотация:

Фольклорные произведения как регуляторы коллективного бессознательного являются одним из главных источников социальных представлений и социальных норм поведения. В связи с этим проведенный анализ репрезентации в фольклоре лиц с физическими и психическими нарушениями в определенной степени объясняет устойчивое отношение к этой категории людей как «непригодным», неспособным к выполнению социальных функций. Однако в русской фольклорной традиции это не делает их «лишними» в обществе, что находит отражение в феномене юродства, свойственного только русской, православной культуре. «Излечение» героев в русском фольклоре, как правило, происходит с помощью Божественных сил, либо благодаря помощи других персонажей. Тем самым подчеркивается значимость других в жизни лиц с физическими и психическими недугами и зависимость успешности их жизнедеятельности от них, что согласуется с основными ценностями русской коллективистической культуры. Однако эти же социокультурные особенности могут способствовать формированию у лиц с ОВЗ потребительской позиции, связанной с ожиданием от социального окружения решения всех их личностных и социальных проблем. Понимание тесной связи с другими людьми в русской культуре делает крайне важным процесс взаимодействия лиц с ограниченными возможностями здоровья с социальным окружением, а в психологических исследованиях становится актуальным изучение их взаимоотношений, от которых, прежде всего, зависит и успешность обучения, и социально-психологическая адаптация в обществе.

Ключевые слова:

социальные представления; физические и психические нарушения; репрезентация, ограниченные возможности здоровья; русская культура; социокультурные особенности; значимость других; социально-психологическая адаптация.

Ryumshina Liubov Ivanovna

D.Phil. in Psychology, Professor,
Academy of Psychology and Educational Science,
Southern Federal University

Berdyanskaya Yulia Vladimirovna

PhD student,
Academy of Psychology and Educational Science,
Southern Federal University

**REPRESENTATION OF PEOPLE
WITH PHYSICAL AND
MENTAL DISABILITIES
IN RUSSIAN FOLKLORE [1]**

Summary:

Folklore is supposed to be a regulator of the collective unconscious and one of the main sources of social representations and social norms of behavior. Consequently, the conducted analysis of the representation in folklore of people with physical and mental disabilities can explain, to some extent, the steady attitude towards this category of people as “unfit”, incapable to perform social functions. However, in the Russian folk tradition, this does not make them “irrelevant” in society. This is reflected in the phenomenon of “foolishness for Christ”, which was characterized only in Russian Orthodox culture. The “healing” of characters in Russian folklore, as a rule, occurs with the help of Divine powers, or thanks to the help of other characters. This emphasizes the importance of others in the lives of people with physical and mental disabilities. This also correlates with success of their lives with others, which is consistent with the basic values of Russian collectivist culture. Nevertheless, the same sociocultural characteristics can contribute to the formation of a consumer position, formed by the disabled’ expectations on the idea that their surrounding is able to solve their personal and social problems. The understanding of that close relationship with other people makes the process of interaction between disable people with the social environment extremely important. Thus, in psychological research it becomes relevant to study their relationship because they primarily influence the success of training and socio-psychological adaptation in society.

Keywords:

social representations, physical and mental disabilities, representation, disabilities, Russian culture, sociocultural characteristics, importance of others, socio-psychological adaptation.

Введение. В настоящее время проблема изучения инвалидов и лиц с ОВЗ находится в центре внимания представителей различных наук. К этой категории принято относить людей, имеющих недостатки в физическом или психическом развитии (серьезные нарушения или отсутствие зрения, слуха, речи, ограничения передвижения, связанные с опорно-двигательным аппаратом и др.) [2]. Цель данного теоретического исследования заключается в культурно-историческом анализе репрезентации в фольклоре лиц с ОВЗ.

Как правило, при изучении социальной группы, которая может быть названа меньшинством, остро стоит вопрос терминологии. Используемые исследователями термины не должны оскорблять человеческого достоинства представителей изучаемой категории людей. Вопрос корректности терминологии, связанной с исследованием представителей данной группы, поднимается давно и все еще остается достаточно острым.

Д.А. Леонтьев, анализируя данную проблему, отмечает, что распространенный как в русском, так и в европейских языках термин латинского происхождения «инвалид» буквально означает «непригодный», делает акцент на невозможности выполнения социальных функций, тем самым становится на точку зрения полезности, рассматривая явление как отклонение от нормы. Иное дело – относиться к явлению как вариации нормы, с точки зрения индивидуальных различий и особенностей развития. Например, в англоязычной терминологии для обозначения данного феномена используется термин «disabled» – буквально «лишенный способности к чему-то», в русскоязычном варианте ему соответствует довольно громоздкое наименование «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Эти термины, по выражению Д.А. Леонтьева, «не ставят крест на человеке в целом», но по-прежнему фиксируют определенный изначальный дефицит. Сейчас в англоязычной терминологии распространяется понятие «challenged» — «сталкивающийся с вызовом», которое окончательно смещает акцент с самого индивида (в смысле изначальной природной данности) на жизненные условия, в которых он существует. Так как на условия можно реагировать по-разному, в поле зрения оказывается личность, психологические характеристики человека, а не его организм [3, с. 115].

Учитывая сложность данного вопроса, мы поддерживаем идею смещения акцента с патологического на экзистенциальное рассмотрение этой проблемы, но в зависимости от ситуации будем употреблять различные термины, обозначающие данное явление. На это существует две причины. Во-первых, чем более сложная конструкция используется для наименования какого-либо явления, тем труднее для восприятия становится текст, в котором она часто употребляется. Во-вторых, самые последние термины еще не получили достаточного признания. Наиболее употребительным в настоящее время является термин «ограниченные возможности здоровья» и его аббревиатура ОВЗ, так же остается в употреблении и термин «инвалидность» (см., например, [4, с. 25–42]).

Культурно-исторический анализ репрезентации лиц с физическими и психическими недугами

Любое явление следует рассматривать, прежде всего, с культурно-исторической точки зрения. Проблема лиц с ограниченными возможностями здоровья как таковая существует на протяжении всей истории человечества. На первый взгляд, как и в случае многих других человеческих феноменов, ее восприятие и отношение к ней должно существенно различаться в зависимости от эпохи, культуры, менталитета и т.д. Посмотрим, верно, ли это предположение.

В греческой мифологии физический недуг, в частности, слепота считалась тягчайшей карой, которую могли назначить человеку боги. Но и сами боги считали это наказание настолько ужасным, что взамен награждали наказанного сверхчеловеческими силами. Описание таинственных сил также встречается в северной мифологии или германских сагах. Здесь их носителями являются, прежде всего, инвалиды и горбуны [5]. Как становится ясно, при таком взгляде физический недостаток компенсируется своего рода избранностью.

Однако параллельно развивается и другая точка зрения. Например, идея неземных способностей чужда древнееврейской мифологии. Она приписывает слепым людям, в первую очередь, беспомощность и связывает это с социальной полезностью. В соответствии с этим в еврейской, как впрочем, и в египетской культурах большинство слепых были нищими [5, с. 23].

В Библии наряду со слепыми упоминаются глухонемые и парализованные люди. В то время как в Ветхом Завете инвалидность часто, так же как и в греческой мифологии, рассматривается как божье наказание за совершенную несправедливость. Согласно Ветхому Завету, священником не мог быть человек с телесным недостатком. Приносить в жертву Богу нужно было все самое лучшее, и тот, кто совершал эти жертвоприношения, должен был быть здоровым человеком. Тяжелая болезнь связывалась с «безусловным злом», от которого следует избавлять человека. Новый Завет использует чудесное исцеление, чтобы продемонстрировать божественные деяния, причем грешные помыслы категорически отклоняются [6].

Репрезентация инвалидов хорошо представлена и в сказках. Следует отметить, что сказки считаются жанром, изначально создававшимся для взрослых реципиентов и лишь постепенно развивавшимся в направлении детской литературы. Но именно она представляет наибольший интерес в связи с большим влиянием ее на социализацию детей, формирования у них определенного отношения к социальному окружению и формы поведения к другим людям, проявляющуюся как в детском возрасте, так и позже [7].

В сказках фигура человека с ОВЗ относительно часто используется для иллюстрации определенных характеристик, причем это ролевое распределение может рассматриваться как стереотипное.

Это особенно характерно для раннего периода христианства, когда всем языческим богам придавались злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера. Отрицательными персонажами становятся русалки, лешие (лихо одноглазое – дух зла, злой судьбы), злой горбун, злая ведьма с кривым носом или Баба-Яга с костяной ногой, иногда слепая, уродливая, в железной ступе, с железным посохом и т. п.[8].

Как отмечает Nickel, из-за этой связи между инвалидностью и злодейством, часто встречающейся в сказках, а в дальнейшем и в детской художественной литературе, физически непривлекательным людям могут приписываться социально нежелательные качества, в связи с чем, люди с ОВЗ представляются как «отрицательные персонажи», хитрые и отталкивающие. Тем не менее, горбатым и слепым злодеям в немецком фольклоре противопоставляются более многочисленные позитивные репрезентации, в которых инвалиды проявляют свои моральные силы. В связи с этим, например, в 19 веке в историях для детей и подростков протагонисты-инвалиды появлялись реже, а если же появлялись, то как необычайно терпеливые, храбрые и бескорыстные люди, что связывалось с представлением об инвалидности, как и в мифологии, с наказанием свыше, проявлением судьбы или провидения, наказанием за ошибки родителей.

Как можно заметить, в западной, в частности немецкой литературе, в соответствии с историческим и общественным контекстом персонажи с ОВЗ репрезентировались по-разному, но представления о них, как отмечает Nickel, по большей части значительно расходятся с реальностью. Исключение составляют произведения, авторы которых имеют личный опыт собственной инвалидности или взаимодействия с инвалидами. В таких работах внимание наблюдателя направлено на жизнь с инвалидностью, что достигается акцентом не на портрете персонажа, а на деятельности, которую он выполняет. Читатели видят трудности, с которыми сталкиваются люди с ОВЗ в повседневной жизни, и их отношение к этим трудностям. Таким образом, на переднем плане находится проблема человеческого существования людей с нарушением здоровья, а не нарушение само по себе.

Отношение к лицам с физическими и психическими нарушениями в русской культуре

Что касается русской культуры, то предварительно следует пояснить, что в ней, как отмечает В.Е. Добровольская, «не существует понятия инвалидности, оно заменяется понятиями болезни и уродства, которые связаны с представлениями о норме и ее нарушении» [9, с. 180]. Болезнь может стать следствием нарушения определенных норм, запретов и предписаний, наказанием за нарушение правильного порядка вещей. Иными словами, уродство (в это понятие входят аномалия внешнего облика, физический недостаток, психические нарушения) противопоставляется понятию «красота», не как эстетической категории, а как соответствующей или несоответствующей норме. Уродство также может стать результатом порчи, т.е. внешнего негативного воздействия, но в любом случае, инвалидность связывается с нормой и красотой.

При этом русской фольклорной традиции свойственно двоякое отношение к лицам с физическими недугами: с одной стороны, физический дефект может быть знаком избранности и обладания сверхъестественными способностями, особенно немота, с другой – наказанием за грехи (в этом случае инвалид представляет опасность для окружающих) [9, с. 182].

В большинстве фольклорных жанров ограниченные возможности здоровья могут, как благотворно повлиять на героя, например, привести его к вере, так и отрицательно – приносить физические и духовные страдания, стать причиной смерти. Болезнь порой остается с человеком на всю жизнь, порой устраняется чудесным образом – как правило, с помощью Бога, Богоматери или святых угодников. Чаще всего исцеление выражается в возвращении зрения и слуха, реже – утраченных конечностей, излечения паралича, неврологических и психических заболеваний [10]. Однако и такое возможно, как, например, в случае чудесного излечения неспособного двигаться 33 года Ильи Муромца [11, с. 175–176].

Следует отметить, что в сказках физический и психический дефект бывает не только реальным, но и мнимым. Имитируя его, герой может скрывать свою личность и статус, добиваться какой-либо цели. С достижением этой цели герой открывает свое истинное лицо. Если же такой дефект у персонажа действительно существует, то чаще всего он вызван не естественными причинами, а действиями его противников. Сюжет в этом случае строится на утрате и возвращении утраченного.

Отражение фольклора находит место в реальной жизни, например, в феномене «юрдства», которое, по мнению А. М. Панченко, является своего рода «третьим миром» древнерус-

ской культуры. Юродство – чисто русское, православное явление. Ни католический, ни протестантский Запад не знали его, даже на православном Востоке оно не получило широкого распространения [12, с. 72–153].

Как и в русском фольклоре, юродство связано с психическим или физическим убожеством и могло быть как реальным, так и мнимым – так называемое добровольное юродство («Христа ради»). Подтверждением этого являются многочисленные доказательства того, что среди юродивых было много вполне здоровых, даже интеллигентных людей [13].

Так же, как и в фольклоре, юродство связано с нарушением нормы. Жизнь юродивого – это сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого ее идеала, а тяготы юродства, его «безобразие» – это одновременно и плата за позволение обличать [13]. Здесь нужно отметить, что в средневековой Руси юродство было своего рода общественным институтом протеста. В этом смысле юродивые близки «шутам», однако не тождественны им.

Отношение к юродивым («блаженным»), наделенным, по мнению обывателей, особыми способностями (знанием «свыше», недоступным обычным людям), было особое. Они пользовались своеобразным уважением. За ними закреплялась полная свобода высказываний, обоснованная тем, что они передают «божью волю». Будучи «плотью от плоти» русского фольклора, юродивые являются аналогом сказочного персонажа – «дурака». Этот персонаж присутствует во многих русских сказках. Ивану-дураку так же нет аналогов в западноевропейском фольклоре.

«Дурак» добр и отзывчив. Однако, он – не человек с ментальным нарушением, а всего лишь неопытный, наивный и неуклюжий. Как и юродивые, он позволяет себе поведение, не соответствующее социальным нормам, но также зачастую оказывается транслятором истины [14, с. 234–407]. Иван-дурак похож на юродивого и тем, что он один из самых умных сказочных героев, а также тем, что мудрость его скрыта, не видна сразу. Он всегда побеждает. Одна из причин достижения им цели заключается в том, что он не одинок благодаря своей простоте и доброте. Он помогает другим одушевленным и неодушевленным героям сказок, а они в знак благодарности – помогают ему. Может, в этом сокрыто и соответствующее позитивное отношение к блаженным.

Заключение. Итак, проведенный анализ показал, что исторически сложились две основные линии репрезентации в фольклоре людей с ограниченными возможностями здоровья. С позиций одной, физический ущерб – наказание свыше, иногда для смягчения его или в качестве компенсации такие персонажи наделяются сверхспособностями, особыми силами и умениями, которые, однако, могут быть как во благо, так и во вред другим персонажам.

Другая точка зрения – рассмотрение людей с физическими или психическими дефектами с позиции полезности их для других, что, на наш взгляд, в большей степени, чем первая точка зрения, находит отражение в современном отношении к людям с ОВЗ. Иными словами, анализ репрезентации их в фольклоре объясняет «живучесть» понимания этой категории людей как «непригодных», т.е. не способных выполнять полезных для общества функций.

В русской культурной фольклорной традиции физические и психические дефекты также рассматриваются как не соответствующие норме, однако это не делает таких людей «лишними» в обществе, что находит отражение в феномене юродства, свойственного только русской, православной культуре.

У «Божьих людей» физический дефект компенсируется избранностью «свыше», в связи с чем, им позволено выступать обличителями пороков, в том числе и государей, и тем самым влиять на общественное мнение и установки в обществе. И если, например, в протестантской культуре герой может «излечиться» и сам, прилагая усилия, моральные качества и т. п., то в русской культуре это происходит, как правило, с помощью божественных сил, либо благодаря помощи других персонажей. Так происходит в случае с Ильей Муромцем, получившим силу от старцев, или, например, мальчиком из сказки «Цветик-семицветик», излечившемся благодаря девочке, владеющей сказочным цветком. Тем самым подчеркивается значимость других людей в жизни лиц с физическими недугами и зависимость успешности их жизнедеятельности от других (Божьей воли или людей).

Это согласуется с ценностями русской коллективистической культуры, ориентированной на взаимовыручку, заботу о ближнем, жертвенность, стремление помогать слабым и сочувствовать неудачникам [15]. Однако эти же социокультурные особенности могут формировать у лиц с ОВЗ потребительскую позицию, связанную с ожиданием от социального окружения решения всех их личностных и социальных проблем.

Репрезентация лиц с ОВЗ в культуре, в частности, в фольклоре, оказывает существенное влияние на формирование представлений о них в общественном сознании, а, следовательно, и на отношение к ним со стороны как общества, так и отдельных личностей. Ее анализ позволяет прояснить истоки и особенности этих представлений и отношений. Понимание тесной связи с другими людьми в русской культуре делает крайне важным процесс взаимодействия лиц с ОВЗ с социальным окружением, а в психологических исследованиях становится актуальным изучение

их взаимопонимания, т. к. от этого во многом зависит и успешность их обучения, и социально-психологическая адаптация в обществе.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета, 2020 г. (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации). (Research was financially supported by Southern Federal University, 2020 (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation)).
2. Живицкая А.И. Равные среди равных, или определение статуса людей с ограниченными возможностями здоровья // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы Международной научно-практической конференции (20–22 июня 2011, Москва) / Редкол.: С.В. Алехина [и др.]. 2011. С. 11–13 ; Инвалидность [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL:<https://www.who.int/topics/disabilities/ru/> (дата обращения: 21.06.2020) ; Инвалидность [Электронный ресурс] // ООН. Объединенные Нации. Права человека. URL:<https://www.un.org/ru/youthink/disabilities.shtml> (дата обращения: 21.06.2020).
3. Леонтьев Д.А., Александрова Л.А. Вызов инвалидности: от проблемы к задаче. Четвертая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений (4–5 мая 2010, Москва). 2010. С. 114–120.
4. Курленкова А.С. Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации. // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики: сб. статей / отв. ред.: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М., 2018. С. 25–42.
5. Nickel S. Gesellschaftliche Einstellungen zu Menschen mit Behinderung und deren Widerspiegelung in der Kinder- und Jugendliteratur. [Электронный ресурс] // Bidok die digitale Bibliothek zu Behinderung und Inklusion. 1999. URL: <http://bidok.uibk.ac.at/library/nickel-einstellungen.html#idp20154368> (дата обращения: 21.06.2020).
6. Десницкий А. С. Сорок вопросов о Библии. М., 2011. 187 с.
7. Рюшшина Л.И. Онтопсихология общения. Saarbrücken, 2011. 366 с.
8. Артемов В.В. Славянская энциклопедия. М., 2011. 304 с.
9. Добровольская В.Е. Репрезентация болезней и уродств в русских волшебных сказках. // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики: сб. статей / отв. ред.: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М., 2018. С. 178–222.
10. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009. 224 с.
11. Сказочная энциклопедия / Будур Н. В. [и др.] ; под общ. ред. Н. Будур. М., 2005. 606 с.
12. Панченко А.М. Смех как зрелище // Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. Л., 1984. С. 72–153.
13. Панченко А.М. Указ. соч. ; Юродивые [Электронный ресурс] // Богословско-литургический словарь. URL:<https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/327> (дата обращения: 21.06.2020).
14. Юродивые...
15. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.
16. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева, 2-е изд., испр. и доп. М., 2015. 672 с.

Редактор: Кириллова Екатерина Анатольевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна